

жизни, поскольку тот к этому времени уходит из общественной жизни, отдавшись геолого-мистическим темам. Аргументируя свою датировку трактата, Ангелопулос апеллирует главным образом к особой политической активности Николая Кавасилы в 1347—1363 гг. Кроме того, он усматривает не только тематическую, но также филологическую и языковую близость четырех названных работ, являющихся, по Ангелопулосу, плодом одного периода: между 1347 и 1354 гг. (стр. 92). Однако все эти аргументы, будучи достаточно интересными, остаются гипотетичными, поскольку лишены веских доказательств.

Анализируя сочинения, объединенные в разделе «О латинянах», Ангелопулос проводит мысль о том, что Николай Кавасила был сторонником тех, кто защищал ортодоксию от римского влияния.

В разделе «Другие сочинения» Ангелопулос объединил очень несходные по жанру и тематике работы Николая Кавасилы. Это и толкования на речи пророка Иезекииля, и литургические описания, и стихотворные надписи в честь св. Димитрия, св. Феодора, св. Евдокима и других святых (всего 13) и письма.

Приложение («Неизданные сочинения Николая Кавасилы») содержит два небольших отрывка из Парижской рукописи 1213 и один из кодекса 372 библиотеки Ивирского монастыря. Последний был опубликован ранее Минем⁶.

Монография Ангелопулоса впервые представила читателю ранее лишь фрагментарно исследованное жизнеописание одного из видных мыслителей XIV в. Она подвела итог отдельным изысканиям в области биографии Кавасилы (но не его трудов!) и выявила те неизбежные лакуны, которые оставляют место для будущих исследований.

М. Поляковская

К.-Р. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert.

Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354.

— «Berliner byzantinische Arbeiten», Bd. 42. Akademie-Verlag.

Berlin, 1971, S. 264

В то время как восстанию зилотов в Солуни многие исследователи уделяли специальное внимание, политическая борьба, развернувшаяся в те же самые годы в Константинополе, затрагивалась, как правило, лишь бегло. Конечно, это объяснимо: солунские события носят и более красочный, и более радикальный характер. Однако то, что происходило в середине XIV в. в византийской столице, может быть еще более существенно для понимания социальной структуры и социальных противоречий в Византии, нежели зилотская «революция».

Книга лейпцигского византиниста К.-П. Мачке, ученика Э. Вернера, восполняет эту лакуну, рассматривая место Константинополя в так называемой гражданской войне 1341—1354 гг. — от смерти Андроника III до отречения Иоанна VI Кантакузина. Значение и назначение книги — не в расширении фактологической базы; автор сам отмечает, что ему не удалось привлечь неизданные источники (стр. 29); описание событий зиждется прежде всего на давно известных сочинениях Григория и Кантакузина с привлечением некоторых иных (тоже уже ранее введенных в оборот) памятников, как, например, анонимный хронограф, впервые изданный Б. Т. Горяновым, или «Разговор богатых и бедных» Алексея Макремволита. Плодотворно, на мой взгляд, привлечение нумизматического материала для характеристики политики Алексея Апокавка (стр. 157), но наблюдение над эмиссией монет Анны Савойской (само по себе, кстати, не совсем бесспорное) принадлежит не Мачке, а итальянским нумизматам Л. Брунетти и Т. Бертеле, на которых Мачке и ссылается (стр. 187, прим. 34). Нет в книге и аргументации новой последовательности событий или новых датировок, и если, скажем, Мачке относит убийство Алексея Апокавка к 15 июня 1345 г. (стр. 166) вместо традиционного 11 июня¹, то это, видимо, результат небрежности, а не сознательного пересмотра. Повторяю, ценность и новизна книги — не в ее фактологии, а в ее концепции.

Мачке последовательно рассматривает события 1341—1354 гг. с точки зрения борьбы классов и социальных слоев. Этой идее подчинена вся структура книги, которую автор начинает с характеристики социально-экономических отношений в Византии вообще и в Константинополе в частности (стр. 37—123); затем он анализирует «социальную статистику» Константинополя — расстановку социальных сил («партий»)

⁶ PG, t. 150, col. 553, В—D, 557 D—560AB (p. 114.14.26. и p.115. 31—34. 47—48. 51—52 в издании Ангелопулоса содержат разночтения по сравнению с текстом, опубликованным Минем).

¹ См. G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 427; «The Cambridge Medieval History», vol. IV, pt. 2. Cambridge, 1966, p. 360; «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 145; D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos. Washington, 1968, p. 59.

накануне 1341 г. (стр. 122—152) — и социальную динамику политической борьбы 1341—1354 гг. (стр. 153—220), в которой он затем выделяет четыре этапа (стр. 245—249). Книга завершается обобщающей главой, которая носит то же название, что и вся работа: «Прогресс и реакция в Византии в середине XIV в.» (стр. 221—264).

Концепция Мачке сводится к следующему. Конфликт 1341—1354 гг. был вызван обострением противоречий, имманентных феодальному обществу, но усугубленных нарастанием товарно-денежных отношений, порождавшим активизацию борьбы за ренту внутри господствующего класса. Поэтому на переднем плане конфликта стоят две феодальные клики, однородные по своей социальной природе, — Палеологи и Кантакузины. Высшая знать легко переходит с одной стороны на другую, руководствуясь лишь соображениями выгоды, а не избранной социальной позицией. Однако в ходе событий логика борьбы приводит большую часть высшей знати в лагерь Кантакузина (стр. 226). Низшая знать («стратиоты», как обычно называет их Мачке) не стала в Византии XIV в. опорой императорской власти в борьбе против магнатов (стр. 229): значение этого слоя было подорвано после потери греками малоазийских земель, где как раз и имело место последнее выступление стратиотов с их собственными требованиями — движение Алексея Филантропина в 1296 г. (стр. 47). Во время событий 1341—1354 гг. низшая знать не обнаружила своего определенного лица.

Однако Мачке не сводит политическую борьбу, развернувшуюся после смерти Андроника III, к соперничеству двух клик знати, опиравшихся на свои «этерии» — нестабильные, подвижные, легко меняющиеся ориентацию. Он остроумно подмечает, что лагерь Кантакузина отличался гомогенностью, тогда как состав окружения Палеологов был более пестрым (стр. 230). Сюда, помимо обеих названных категорий феодальной знати, входили «остатки придворной знати особого рода», а также тот слой, который Мачке обозначает (на мой взгляд, несколько вольно) западным термином «патрициат» и который характеризует как «группу в господствующем классе, которая соединяла собственность на землю в городах и пригородных районах со значительной торговой и денежной активностью» (стр. 230). В этой связи любопытно замечание Мачке (стр. 138) о том, что источники не сохранили сведений о земельных владениях Алексея Апокавка; из этого он делает (с должной осторожностью) вывод о том, что центр тяжести экономических интересов Апокавка приходился не на эксплуатацию феодальной земельной собственности, а на использование им своего места в государственном аппарате².

«Патрициат» был, согласно Мачке, более открытым (динамичным) слоем, нежели высшая знать. Его политика была теснее связана с денежной активностью (привлечение наемников, увеличение выпуска монеты, стремление удержать в руках экономически важный район Хиоса — Фокея, строительство флота³).

В событиях 1341—1354 гг. активное участие приняли и народные массы, в составе которых Мачке выделяет два разряда: мелких самостоятельных тружеников и городскую бедноту. Народные массы, хотя и не выступали со своей программой (кроме утопического предложения Макремволита уничтожить имущественное неравенство при помощи браков между богатыми и бедными), оказывали, однако, серьезное воздействие на ход борьбы (стр. 235 и сл.). Мачке констатирует, наконец, участие крестьян в классовой борьбе середины XIV в. (стр. 238 и сл.).

Своеобразие (и вместе с тем ограниченность) константинопольского движения отчетливо проявляется при его сопоставлении с восстанием зилотов в Солуни; в Константинополе власть ни разу не переходила в руки радикальных «средних» слоев (стр. 177), что, по мнению Мачке, объясняется консерватизмом константинопольского патрициата и сильным влиянием в столице ивезомного купечества (ср. о Солуни, стр. 49 и сл.).

Работа Мачке привлекает наше внимание к вопросам, нередко оставшимся в тени, и прокладывает новые пути исследования. Нужно только быть более осторожным при оперировании фактами, особенно почерпнутыми из других исследований. Например, на стр. 50 Мачке аргументирует важную мысль о роли солунского купечества в местной торговле только ссылкой на работу Б. Т. Горянова, но как раз в цитированном им месте идет речь исключительно о внешней торговле солунян⁴. На стр. 59 автор делает очень далеко идущие выводы об изменении социальной программы народной литературы на основании довольно зыбкого разграничения типов «гадательных книг» в работе М. А. Андреевой, где этому разграничению придан скорее жанровый, чем временной характер⁵.

² Интересную параллель к наблюдениям Мачке дает работа: Г. Г. Литаврин. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. — «Византийские очерки» (2). М., 1971, стр. 152—168, построенная, правда, на более раннем материале.

³ Следует, впрочем, учитывать, что, по свидетельству Григория (*Gregoras*, II, p. 842, 847, 870) и Кантакузин предпринимал шаги к развитию флота.

⁴ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 273 и сл.

⁵ М. А. Андреева. К истории византийско-славянских гадательных книг. — ВВ, 5, 1933—1934, стр. 120—161.

Социальный анализ в книге Мачке опирается, как правило, лишь на выборочные данные, на «метод примеров». Было бы желательно от анализа примеров перейти к опытам статистического обследования там, где это возможно, т. е., к примеру, при изучении состава господствующего класса. Было бы плодотворным, далее, выяснить те принципы социальной стратификации, какими пользовались сами византийцы: это может дать иногда неожиданные результаты. Следовало бы шире учитывать силу традиции, сломать которую подчас не позволяли даже социальные интересы влиятельных групп: это относится в первую очередь к консервативной византийской государственности, коренным образом отличной от западной сословной монархии. Наконец, было бы важно проследить, как отразилась социальная структура общества на структуре церкви и монашества (известно, например, что в XII в. высшее духовенство почти не рекрутировалось из аристократической элиты), а социальная борьба — на идеологической (краткие замечания Мачке об отношении разных слоев к паламизму не исчерпывают проблемы).

Однако все это — темы для серии исследовательских работ.

А. К.

B. Krekić. *Dubrovnik in the 14th and 15th Centuries: a City between East and West*.
Norman, University of Oklahoma Press, 1972

Бариша Крекич посвятил свою новую книгу (третью после «*Dubrovnik i Levant* (1280—1460)», 1956 и «*Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Age*», 1961) общей характеристике жизни города в XIV—XV вв. Именно жизни, а не истории. Налицо очерк природных условий, в которых создавался город, коммунального строительства, борьбы горожан с эпидемиями, интеллектуальной жизни Дубровника, книжной и художественной культуры и городского быта, и только в первой главе эскизно очерчена история первых веков существования коммуны. Книга предназначена для западного читателя, который недостаточно знаком с историей Дубровницкой республики, к нему и обращен подзаголовок — «Город между Востоком и Западом». Ради популярности изложения снят и научный аппарат.

Автор начинает с первых проявлений политической независимости Дубровника от Византии, когда горожане в 1081—1085 гг. поддержали норманнов в борьбе с империей, с ранних актов коммерческой самостоятельности — серии договоров, заключенных с итальянскими городами в 1148—1211 гг. С 1186 г. коммуна вступает в договорные отношения и со своими континентальными соседями (с Сербией): кстати, в договоре с Боснией 1189 г. слово «Рагуза» впервые заменяется именем «Дубровник». Переход под венецианскую супрематию 1205 г., по мнению Б. Крекича, дал Дубровнику значительные выгоды: возможность приглашать специалистов из Венеции, активная связь с венецианским судоходством. Отношения же с Сербией в XIII в. портятся, в 1252 г. дело доходит до открытой войны, однако со второй половины столетия дубровчане приобретают стимул к сохранению добрых отношений с балканскими государствами: в Сербии, а с 1330 г. и в Боснии начинается разработка рудных месторождений. Скоро они становятся основными поставщиками металлов на европейский рынок. В XIII — начале XIV в. дубровницкая торговая политика все больше ориентируется на Балканы, тем более что венецианцы активно оттесняют город от морских операций¹.

Во второй главе автор пишет о тесных связях Дубровника с остальными далматинскими городами, о связях с Балканами, откуда идет приток новоселенцев, о полосе дружбы в отношениях с Сербским государством, пришедшей на смену «сербской экспансии» при Милутине и Стефане Дечанском. Добрые отношения поддерживаются в течение всего царствования Стефана Душана. Отмечается значительная роль эмигрантов из итальянских городов (не только венецианцев, но и флорентийцев), греков, албанцев, левантийцев и — с конца XV в. — выходцев из Испании и Португалии. Автор привлекает проблема формирования патрициата, но он преувеличивает его численность, считывая в составе патрицианских семей (в середине XV в.) ок. 1100 чел. (при общей численности городского населения в 5—6 тыс. жителей). Впрочем, он не ошибается, указывая на то, что это была по преимуществу земельная аристократия. Б. Крекич верно отмечает значительный вес крестьянского населения в составе горожан, назревание новых форм зависимости в деревне после «Черной смерти» 1347—1348 гг. и сохранение элементов рабства.

Возникновение патрицианской администрации в Дубровнике, по мнению автора, относится ко второй половине XIII в., а по отношению к XIV в. он считает возможным

¹ Эту же мысль развивает и Й. Лучич в серии статей о морской торговле Дубровника в XIII в. (см. «*Pomorski zbornik*», br. 4, Zagreb, 1966; br. 5, 1967; br. 6, 1968; br. 7, 1969; br. 8, 1970).